Капитан Б. Б. ПАНЧЕНКО

ГК1995
П229

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЙ БАТАЛЬОН

ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СТАЛИНГРАД 1943

Т4 Э101

P
109785
PK1955
T839

1. РАБОЧИЕ БУДНИ

Истребительный батальон Тракторнозаводского района г. Сталинграда был организован 2-го июля 1941 года.

В создании его и дальнейшей работе исключительно большое участие принял Райком партии и его секретари товарищи Приходько и Мельников.

Комплектование батальона рядовым и командно - политическим составом, постановка массовой политической работы, обучение бойцов, равно как и другие вопросы, возникавшие в процессе организации батальона, находили всегда внимание и поддержку у руководителей Райкома партии.

Секретарь Райкома товарищ Мельников был бессменным комиссаром батальона, вложившим много труда в его организацию.

Повседневно помогали батальону дирекция

Тракторного завода и заводские организации. Несмотря на огромную напряженность в работе завода, дирекция безотказно отпускала рабочих с производства на учебные военные занятия, а также для несения караула в батальоне. Завком помогал материально в постановке культурной работы среди бойцов, в разрешении других практических вопросов работы.

Забота, внимание партийных, профсоюзных, хозяйственных организаций дали возможность командованию батальона серьезно заниматься боевым и политическим воспитанием бойцов и командиров. Эту же заботу, внимание бойцы и командиры чувствовали и в дни, когда находились на передовой линии обороны. Все это воодушевляло их на еще более стойкую защиту родного завода, любимого города.

С момента организации и до памятных августовских дней 1942 года батальон прошел трудный путь роста. В него влились партийцы, позднее комсомольцы тракторного завода, среди которых было немало людей, прекрасно работавших у станков, но никогда не державших оружия в руках. А из них надо было воспитать отлично обученных, сознательных, дисциплинированных бойцов. Еще более серьезным делом было воспитание командного со-

става батальона: командиров рот, взводов, отделений. Их надо было подготовить из рабочих, в прошлом рядовых участников гражданской войны, поскольку в условиях Великой Отечественной войны комсостав запаса был призван в армию. Задача подготовки командиров усложнялась еще тем, что их надо было не только обучить, но и вооружить теоретическими познаниями в области методов воспитания бойцов. И, наконец, бойцы и командиры батальона учились военному делу без отрыва от производства, работая на заводе по одиннадцать с половиной часов и больше.

Эти трудности были в конечном счете преодолены, хотя и не сразу и не легко. В батальоне воспитались такие стойкие, преданные, знающие свое дело командиры рот, как Симонов, Блюмкин, политрук Салуткин, командиры взводов — Москалев, Храмов, Гончаров, Объедков, Ветров, помкомвзвода Тупиков, Кравцов, Подэма, командиры отделений — Акатьев, Хаустов, Вознюк, Ходникевич и другие.

Военное обучение батальон начал, не имея даже своего помещения, и первые месяцы занимались там, где предоставлялась возможность, но срыва занятий не было. К осени ба-

тальон получил отдельный барак. Теперь для занятий имелись оборудованные кабинеты, Ленинский уголок, подсобные комнаты для хранения запасных боеприпасов, лыж и прочего имущества.

Много энергии было затрачено на приобретение имущества. Учебные пособия, плакаты, уставы достали в Механическом Институте, мебель дал рабочий клуб, обойно-кузовный цех завода пошил пояса бойцам, топливом обеспечивал завод. Так с помощью общественности постепенно создавались все лучшие и лучшие условия для боевого обучения батальона.

На военные занятия бойцы собирались два раза в неделю. Они должны были в совершенстве изучить: винтовку двух систем, три типа гранат, ручной пулемет, зажигательные бутылки; по тактике — действия бойца в обороне, наступлении и разведке. Боец должен был уметь окапываться, строить простейшие заграждения, иметь военную выправку, знать строй и порядки, уметь ходить на лыжах и т. д. и т. п. и, самое главное, боец должен был отлично владеть своим оружием.

В начале работы батальона имели место неявки, опоздания бойцов на занятия по неуважи-

тельным причинам, но повседневной, упорной работой это было изжито, и если иногда бойцы не являлись на занятия, то только по уважительным причинам и об этом ставили командира заранее в известность. Так укреплялась дисциплина—основа военого обучения.

На занятия бойцы приходили, отстояв у станков фронтовую смену. Во многих цехах люди работали по полторы-две смены подряд. Благодаря заботам комиссара тов. Мельникова в батальоне был организован возок с хлебозавода и до занятий бойцы могли подкрепиться. Нередко бывали такие случаи: занятия еще не начинались, сидит боец в классе на скамье и дремлет — видишь, что человек смертельно устал. Но вот начались занятия, боец стряхивает дремоту и постепенно оживает — слушает, записывает, задает вопросы.

Особое внимание уделялось политической работе. Она была направлена на воспитание из наших бойцов инициативных, бдительных воинов, умеющих распознать врага, изловить, уничтожить его, всегда готовых к бою, смелых, храбрых, преданных родине.

На каждом занятии бойцам зачитывались сводки Информбюро, разъяснялось военно-политическое положение нашей страны и теку-

щие задачи. Четыре раза в месяц проводились политинформации и периодически лекции квалифицированных лекторов. Интерес бойцов к событиям Великой Отечественной войны, к политической жизни своей страны, внешне-политическим ее отношениям был огромный. В батальоне издавалась стенная газета «Истребители», она была авторитетна у бойцов, много труда в нее вложил помкомвзвода т. Тупиков.

Так в борьбе с трудностями, бойцы и командиры батальона овладевали военными знаниями, мужали, закалялись их характеры. Нытики и малодушные отсеялись. Батальон морально окреп.

Командирская учеба проводилась два раза в неделю. Обычно в день командирских занятий в комнате начальника штаба уже с пяти часов бывало людно. Командиры рот обсуждали план будущих занятий, делились впечатлениями, читали газеты.

Если по расписанию командирские занятия проводил очередной командир, то он готовил материальное обеспечение занятий: учебные пособия, оружие, боеприпасы и т. д.

Особенно увлекала командиров стрельба. Надо сказать, что до того как допустить стрелка к выполнению задачи боевым патроном, проводился весь необходимый комплекс подготови-

тельных упражнений, как-то: работа на станке по однообразию прицеливания, стрелок проверялся обучающим с ортоскопом, далее выполнялись два упражнения из мелкокалиберной винтовки. За очень небольшим исключением все командиры батальона в результате упорной работы были отличными и хорошими стрелками. А ведь некоторые из них не умели ни стрелять, ни правильно обучать. А выучились и уставным командам и четкому командирскому языку. И надо было видеть, как такие командиры взводов, как Объедков, Ветров, Москалев, Храмов, лежа рядом со стрелками на линии огня, по много раз кропотливо, умело проверяли правильность наводки, отрабатывали плавный спуск курка и другие элементарные, но обязательные навыки.

У батальона было свое стрельбище за железнодорожным мостом и неплохая мишенная обстановка. Сами командиры простреляли не только положенные по программе 1 и 2 упражнения начальных стрельб, но с успехом выполняли и два упражнения из ручного пулемета. Несмотря на ограниченность боеприпасов для обучения командиров ничего не жалелось. И это себя полностью оправдало потом, когда пришлось на боевом поле вплотную столк-

нуться с врагом. Бойцы батальона неплохо стреляли, особенно во второй роте.

Боевое обучение батальона за исключением классных занятий проводилось в поле, на местах вероятной обороны завода и поселка. Во главу угла ставились не шагистика и не выправка, но батальон, возвращавшийся с занятий всегда поротно, при прохождении через поселок привлекал внимание. Однообразное вооружение, полное снаряжение бойцов, их крепкий походный шаг и бодрая песня останавливали всех. «Это истребительный батальон», — его знали все. Еще весной 42 года было несколько налетов вражеской авиации на завод и поселок. Батальон, вызванный по тревоге, первый прибыл в пострадавшие от бомбежки кварталы. Бойцы самоотверженно бросались в огонь, спасали жителей и имущество, выносили раненых, несли охрану. Всякое более или менее серьезное мероприятие, требовавшее вооруженной силы и порядка, поддерживалось батальоном. И эта школа сослужила свою службу. В тяжелые дни осады Сталинграда бойцы и командиры самоотверженно выполняли свой долг до конца, как это подобало солдатам - партийцам, посланным на защиту родины.

II. ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ АВГУСТА 1942 ГОДА

Фронт был близко и это чувствовалось на всей жизни заводского поселка.

По широкой фронтовой дороге, пролегавшей через поселок, нескончаемой шумной вереницей шли в обоих направлениях колонны автомашин с боеприпасами, бензиновозы, артиллерия, шагали бойцы...

Вокруг поселка, на подступах к Сталинграду, спешно возводились оборонительные укрепления. С утра и до поздней ночи там было многолюдно, шумно, работали с энтузиазмом, спеша к сроку выполнить боевое задание Городского Комитета Обороны. В воскресные дни туда выходили работать и все свободные рабочие и служащие Тракторного завода.

Ни частые воздушные тревоги, ни налеты вражеской авиации не смогли нарушить ровного трудового ритма большого завода и напряженного труда рабочих.

Ни на минуту не замолкая, гудел, вздыхал гигант-завод. Из низко срезанных труб ТЭЦ валил густой черный дым, застилая вокруг улицы, дома, парк.

Дважды в день поселок заполнялся толпой

замасленных, закоптелых, усталых рабочих, отстоявших фронтовую смену. Люди работали много, не считаясь со временем, работали самоотверженно, знали, что враг близко, что нужны танки и давали их столько, сколько требовал фронт. Из заводских ворот—на платформах, а на близкий фронт к Дону своим ходом уходили одна за другой боевые машины.

23-е августа 1942 года. Жаркий солнечный день. Сухой, знойный ветер из Заволжья обжигал лицо, дышалось тяжело.

Завод и поселок жили обычной, по-фронтовому суровой жизнью и ничто, казалось, не предвещало, что этот день станет историческим днем начала великой битвы за Сталинград.

Время приближалось к полдню.

На западе — глухие орудийные раскаты. К ним уже привыкли, но в этот раз их гул не только не затихал, но с каждым часом нарастал и приближался.

Вскоре за поселками Орловкой и Городищем стали видны громадные столбы пыли и дыма. Пахло гарью. В бинокль можно было рассмотреть десятки немецких бомбардировщиков и частые белые облачка наших зенитных разрывов. То тут, то там, пока еще вдалеке от поселка, вспыхивали воздушные бои.

Время шло... Было за полдень. Черные столбы от разрыва авиабомб приближались. На западе что-то ярко горело. Степь, насколько окидывал ее взгляд, была закрыта дымом. В дело начали вступать ближние зенитные батареи. Невооруженным глазом стали видны тучи немецких бомбардировщиков, пикирующих все ближе и ближе к Волге.

Позднее к гулу орудийных выстрелов зениток, грохоту от разрыва авиабомб стали примешиваться пулеметные и автоматные очереди. Они шли со стороны Дубовки, из-за бугра, но пыль мешала уточнить обстановку.

Положение усложнялось. Тревога нарастала. Связи с городом уже не было: провод не работал. Город беспощадно бомбился врагом. На фоне темнеющего неба резко вырисовывалось зарево пожаров, зажженных вражеской авиацией.

Требовалось принять срочные меры к охране поселка и завода в первую очередь, так как становилось очевидным, что прорвавшийся враг именно с северо-западной окраины хочет с ходу овладеть городом. Зенитные батареи, первыми принявшие бой, не могли, конечно, задержать продвижение врага.

Немедленно были брошены в бой два учеб-

ных танковых батальона, находившиеся на танкодроме Тракторного завода. Но нужны были новые подкрепления, и тогда по боевой тревоге собрали и отправили на передовую линию обороны истребительные батальоны города и народное ополчение Тракторнозаводского района.

В штабе истребительного батальона Тракторнозаводского района в этот воскресный день налицо был только караул и немного бойцов — рабочих завода, свободных от работы. Одни из них чистили винтовки, другие подучивали устав, читали газеты.

Когда был дан, много раз проверенный в учебных условиях, вызов по боевой тревоге, то бойцы и командиры быстро собрались в штаб. Многие из них явились с работы из цехов, другие только что сменились. Дома никто из них не был, но ни один не обратился с личной просьбой к командиру.

В сосредоточенном молчании бойцы разбирали оружие — винтовки, гранаты, одевали снаряжение, каски и бесшумно расходились по укрытиям.

Командир батальона, начальник 8-го отделения милиции капитан Костюченко, выслушав мой, как начальника штаба батальона,

краткий доклад, отдал приказ—немедленно занять оборону по Мечетке и выставить заслоны к мостам. Отряд наш дополнительно вооружили пулеметами, гранатами, патронами.

Вместе с отрядом бегом по знакомым местам на боевую позицию. Каждый из нас сознавал, что идем на ответственное дело: защищать завод, выстроенный своими руками, защищать родной город и Волгу.

От встречных, работавших на оборонительных рубежах, стало известно, что немецкие танки прорвались к поселку Латошинка и сейчас за бугром ведут бой с нашими зенитными батареями. Мы прибавили шагу.

Вот, наконец, и знакомая позиция. На ней во время учебных, тактических занятий, мы много раз проходили условную оборону поселка. Быстро застучали лопатки, замелькала земля... Окопались, установили пулеметы.

Завечерело. Движение по дороге затихло. Впереди за бугром слышны редкие пулеметные очереди и дробная трель автоматов. Вдруг завывающий свист и сзади резкий, крякающий разрыв. Первая мина. Бойцы настораживаются. Старый буденовец, командир взвода Москалев, приземистый, широкоплечий мастер СТЗ, расположившись в пулеметном гнезде, вспоминал

об огне немецких окопных мортир в первую мировую войну.

Вскоре была установлена связь со штабом батальона и связной Талдыкин, молодой комсомолец из 10-го цеха завода, отправился с первым донесением к командиру батальона. Штаб батальона прислал заводскую машину с дополнительными боеприпасами, а вслед за ней подошла группа бойцов батальона, задержавшаяся на работе в заводе.

Смерклось. Минный обстрел продолжался, но мины перелетали через наши головы, немцы вели огонь, явно не видя нас. В воздухе появились разноцветные нити трассирующих пуль.

Ночь темная, душная вступала в свои права, надо было выслать боевое охранение. По переданной вполголоса команде быстро собрались командиры рот. Первым явился Иван Александрович Симонов, рослый, плотный с серыми, спокойными глазами. На нем спецовка, подпоясанная ремнем с двумя подсумками. На поясе две гранаты. Работая заведующим автогаражем на заводе, он прошел в батальоне путь от командира отделения до командира роты. Требовательный к себе и подчиненным, товарищ Симонов отдавал батальону и обучению своих бойцов все силы. Командир второй

тельных упражнений, как-то: работа на станке по однообразию прицеливания, стрелок проверялся обучающим с ортоскопом, далее выполнялись два упражнения из мелкокалиберной винтовки. За очень небольшим исключением все командиры батальона в результате упорной работы были отличными и хорошими стрелками. А ведь некоторые из них не умели ни стрелять, ни правильно обучать. А выучились и уставным командам и четкому командирскому языку. И надо было видеть, как такие командиры взводов, как Объедков, Ветров, Москалев, Храмов, лежа рядом со стрелками на линии огня, по много раз кропотливо, умело проверяли правильность наводки, отрабатывали плавный спуск курка и другие элементарные, но обязательные навыки.

У батальона было свое стрельбище за железнодорожным мостом и неплохая мишенная обстановка. Сами командиры простреляли не только положенные по программе 1 и 2 упражнения начальных стрельб, но с успехом выполняли и два упражнения из ручного пулемета. Несмотря на ограниченность боеприпасов для обучения командиров ничего не жалелось. И это себя полностью оправдало потом, когда пришлось на боевом поле вплотную столк-

нуться с врагом. Бойцы батальона неплохо стреляли, особенно во второй роте.

Боевое обучение батальона за исключением классных занятий проводилось в поле, на местах вероятной обороны завода и поселка. Во главу угла ставились не шагистика и не выправка, но батальон, возвращавшийся с занятий всегда поротно, при прохождении через поселок привлекал внимание. Однообразное вооружение, полное снаряжение бойцов, их крепкий походный шаг и бодрая песня останавливали всех. «Это истребительный батальон», — его знали все. Еще весной 42 года было несколько налетов вражеской авиации на завод и поселок. Батальон, вызванный по тревоге, первый прибыл в пострадавшие от бомбежки кварталы. Бойцы самоотверженно бросались в огонь, спасали жителей и имущество, выносили раненых, несли охрану. Всякое более или менее серьезное мероприятие, требовавшее вооруженной силы и порядка, поддерживалось батальоном. И эта школа сослужила свою службу. В тяжелые дни осады Сталинграда, бойцы и командиры самоотверженно выполняли свой долг до конца, как это подобало солдатам - партийцам, посланным на защиту родины.

II. ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ АВГУСТА 1942 ГОДА

Фронт был близко и это чувствовалось на всей жизни заводского поселка.

По широкой фронтовой дороге, пролегавшей через поселок, нескончаемой шумной вереницей шли в обоих направлениях колонны автомашин с боеприпасами, бензиновозы, артиллерия, шагали бойцы...

Вокруг поселка, на подступах к Сталинграду, спешно возводились оборонительные укрепления. С утра и до поздней ночи там было многолюдно, шумно, работали с энтузиазмом, спеша к сроку выполнить боевое задание Городского Комитета Обороны. В воскресные дни туда выходили работать и все свободные рабочие и служащие Тракторного завода.

Ни частые воздушные тревоги, ни налеты вражеской авиации не смогли нарушить ровного трудового ритма большого завода и напряженного труда рабочих.

Ни на минуту не замолкая, гудел, вздыхал гигант-завод. Из низко срезанных труб ТЭЦ валил густой черный дым, застилая вокруг улицы, дома, парк.

Дважды в день поселок заполнялся толпой

замасленных, закоптелых, усталых рабочих, отстоявших фронтовую смену. Люди работали много, не считаясь со временем, работали самоотверженно, знали, что враг близко, что нужны танки и давали их столько, сколько требовал фронт. Из заводских ворот—на платформах, а на близкий фронт к Дону своим ходом уходили одна за другой боевые машины.

23-е августа 1942 года. Жаркий солнечный день. Сухой, знойный ветер из Заволжья обжигал лицо, дышалось тяжело.

Завод и поселок жили обычной, по-фронтовому суровой жизнью и ничто, казалось, не предвещало, что этот день станет историческим днем начала великой битвы за Сталинград.

Время приближалось к полдню.

На западе — глухие орудийные раскаты. К ним уже привыкли, но в этот раз их гул не только не затихал, но с каждым часом нарастал и приближался.

Вскоре за поселками Орловкой и Городищем стали видны громадные столбы пыли и дыма. Пахло гарью. В бинокль можно было рассмотреть десятки немецких бомбардировщиков и частые белые облачка наших зенитных разрывов. То тут, то там, пока еще вдалеке от поселка, вспыхивали воздушные бои.

Время шло... Было за полдень. Черные столбы от разрыва авиабомб приближались. На западе что-то ярко горело. Степь, насколько окидывал ее взгляд, была закрыта дымом. В дело начали вступать ближние зенитные батареи. Невооруженным глазом стали видны тучи немецких бомбардировщиков, пикирующих все ближе и ближе к Волге.

Позднее к гулу орудийных выстрелов зениток, грохоту от разрыва авиабомб стали примешиваться пулеметные и автоматные очереди. Они шли со стороны Дубовки, из-за бугра, но пыль мешала уточнить обстановку.

Положение усложнялось. Тревога нарастала. Связи с городом уже не было: провод не работал. Город беспощадно бомбился врагом. На фоне темнеющего неба резко вырисовывалось зарево пожаров, зажженных вражеской авиацией.

Требовалось принять срочные меры к охране поселка и завода в первую очередь, так как становилось очевидным, что прорвавшийся враг именно с северо-западной окраины хочет с ходу овладеть городом. Зенитные батареи, первыми принявшие бой, не могли, конечно, задержать продвижение врага.

Немедленно были брошены в бой два учеб-

ных танковых батальона, находившиеся на танкодроме Тракторного завода. Но нужны были новые подкрепления, и тогда по боевой тревоге собрали и отправили на передовую линию обороны истребительные батальоны города и народное ополчение Тракторнозаводского района.

В штабе истребительного батальона Тракторнозаводского района в этот воскресный день налицо был только караул и немного бойцов — рабочих завода, свободных от работы. Одни из них чистили винтовки, другие подучивали устав, читали газеты.

Когда был дан, много раз проверенный в учебных условиях, вызов по боевой тревоге, то бойцы и командиры быстро собрались в штаб. Многие из них явились с работы из цехов, другие только что сменились. Дома никто из них не был, но ни один не обратился с личной просьбой к командиру.

В сосредоточенном молчании бойцы разбирали оружие — винтовки, гранаты, одевали снаряжение, каски и бесшумно расходились по укрытиям.

Командир батальона, начальник 8-го отделения милиции капитан Костюченко, выслушав мой, как начальника штаба батальона,

краткий доклад, отдал приказ—немедленно занять оборону по Мечетке и выставить заслоны к мостам. Отряд наш дополнительно вооружили пулеметами, гранатами, патронами.

Вместе с отрядом бегом по знакомым местам на боевую позицию. Каждый из нас сознавал, что идем на ответственное дело: защищать завод, выстроенный своими руками, защищать родной город и Волгу.

От встречных, работавших на оборонительных рубежах, стало известно, что немецкие танки прорвались к поселку Латошинка и сейчас за бугром ведут бой с нашими зенитными батареями. Мы прибавили шагу.

Вот, наконец, и знакомая позиция. На ней во время учебных, тактических занятий, мы много раз проходили условную оборону поселка. Быстро застучали лопатки, замелькала земля... Окопались, установили пулеметы.

Завечерело. Движение по дороге затихло. Впереди за бугром слышны редкие пулеметные очереди и дробная трель автоматов. Вдруг завывающий свист и сзади резкий, крякающий разрыв. Первая мина. Бойцы настораживаются. Старый буденовец, командир взвода Москалев, приземистый, широкоплечий мастер СТЗ, расположившись в пулеметном гнезде, вспоминал

об огне немецких окопных мортир в первую мировую войну.

Вскоре была установлена связь со штабом батальона и связной Талдыкин, молодой комсомолец из 10-го цеха завода, отправился с первым донесением к командиру батальона. Штаб батальона прислал заводскую машину с дополнительными боеприпасами, а вслед за ней подошла группа бойцов батальона, задержавшаяся на работе в заводе.

Смеркло. Минный обстрел продолжался, но мины перелетали через наши головы, немцы вели огонь, явно не видя нас. В воздухе появились разноцветные нити трассирующих пуль.

Ночь темная, душная вступала в свои права, надо было выслать боевое охранение. По переданной вполголоса команде быстро собрались командиры рот. Первым явился Иван Александрович Симонов, рослый, плотный с серыми, спокойными глазами. На нем спецовка, подпоясанная ремнем с двумя подсумками. На поясе две гранаты. Работая заведующим автогаражем на заводе, он прошел в батальоне путь от командира отделения до командира роты. Требовательный к себе и подчиненным, товарищ Симонов отдавал батальону и обучению своих бойцов все силы. Командир второй

роты Константин Данилович Блюмкин, преподаватель физики Механического Института, оставался прекрасным педагогом и в батальоне, сумев подготовить отличный командный состав роты. Оба командира были уважаемы, любимы бойцами.

Вскоре же неслышными черными тенями ушло вперед боевое охранение.

Со связным тов. Талдыкиным направились в поселок на оперативное совещание в штаб. Медленно брели мы в кромешной тьме вдоль своего боевого расположения. Приходилось все время раздвигать ветки, обходить ямы, идти ощупью.

Сзади изредка слышны очереди, высоко прорезали воздух нити трассирующих пуль—зеленые, красные. Иногда вспыхивали немецкие ракеты, заливая все вокруг мертвым, белым светом. Наше расположение молчало.

Чем ближе к поселку, тем ярче и больше багровое зарево, занявшее четверть горизонта. Это горел Сталинград. Несколько домов пылает и в поселке. Но большинство улиц темны, пусты, лишь изредка проходят патрули, да около некоторых домов видны узлы, мешки и дети, — это женщины собираются на переправу за Волгу. Всюду под ногами битое стекло—

следы бомбежки, а в окнах кровавые отсветы горящего города.

Штаб батальона работал. С завода подвозили новые пулеметы, их разбирали, прочищали, слегка смазывали и сейчас же отправляли на позицию. У распакованных с патронами цинок набивали диски и укладывали по четыре в новые заплечные сумки. Тут же выполнялась и другая срочная работа: формировались и отправлялись караулы для охраны складов и других объектов в Горном и Южном поселках завода. Быстро провели оперативное совещание. Связи с центром города попрежнему нет. Одно было ясно, что город подвергся невиданному, варварскому разрушению, а к Волге у поселка Латошинка прорвалось крупное немецкое соединение. У ворот родного города—смертельная опасность.

Наш долг—до конца защищать завод и город. Впереди для нас всех боевое испытание.

III. БОЕВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Двадцать четвертого августа наша разведка установила, что в балке, западнее карьера и поселка Спартановка немцы сосредоточили большое количество автоматчиков—их цель была ясна—прорваться к Тракторному заводу.

Передовые немецкие автоматчики, буквально, нависли над балкой, а близко придвинутые вражеские минометы зажгли уже много зданий в поселке. Завод обстреливался, но работал и должен был непрерывно работать. Наш батальон, как и другие истребительные батальоны города и народное ополчение Тракторозаводского района, получил приказ перейти в контратаку, отбросить немцев за Сухую Мечетку, задержать их продвижение к заводу.

25 августа было таким же жарким, душным, как и предыдущие дни. Сзади нас продолжал гореть город. Вся южная половина неба была затянута густым черным дымом. В воздухе появлялись все новые и новые «Юнкерсы». По ним ожесточенно били наши зенитки. То и дело разгорались воздушные бои.

Около одиннадцати часов левее нас занял исходные позиции Краснооктябрьский истребительный батальон. У него много пулеметов. Западнее нас расположилась пулеметная рота 21 учебного танкового батальона, а восточнее—пулеметная рота строителей. Сзади, за группами кустов сосредоточились танки.

Получена полоса наступления: справа—бугор с вышкой, слева—радиостанция включительно.

Быстро были собраны командиры, разъяснена боевая задача.

Время подходило к двенадцати. К наступлению все готово. Слегка волновала мысль: «Как выдержим первое боевое испытание». Суровые, напряженные лица бойцов, спокойная деловитость командиров внушали уверенность, что долг свой выполним с честью.

Двенадцать. Пушки танков начали оглушительную стрельбу—это наша артиллерийская подготовка. На правом фланге у Спартановки слышно гудение моторов—танки пошли в атаку на занятый немцами бугор.

Батальон краснооктябрьцев уже поднялся.

Маскируясь порослью, по балочкам во взводных колоннах наш батальон вышел на рубеж атаки. Быстро развернулись. Первая рота слева. Поднимаемся на бугор. Он весь в пыли от густо падающих пуль противника. Навстречу нам с отвратительным кряком рвутся немецкие мины.

До лесопосадки, где залегли немецкие автоматчики—метров двести, не больше.

С боевым кличем: «Вперед! За Родину, за Сталина!»,—батальон бросился в атаку. Впереди командиры, за ними, стреляя на ходу, бойцы. Бой был неравный: силы немцев зна-

чительно больше, но наши сердца кипели ненавистью к врагу, мы были полны решимости драться до конца за родные завод и город, за свои дома, за свои семьи.

Яростно били наши пулеметы, винтовки. Мы вели бой почти у кустов лесопосадки. Сквозь зелень мелькали синезеленые мундиры немцев, по ним, справа от меня, кто-то из бойцов давал длинные очереди.

Пробираюсь к правому флангу. У куста лежит командир роты Симонов. Он мертв. Несколько пуль пробили ему голову и грудь. Симонов пал, как герой, выполняя долг коммуниста перед родиной.

Где-то рядом частые очереди. Согнувшись, перебегаю. Под кустом наш пулемет. Весь вжавшись в приклад, не отрывая глаз от прицела, командир отделения Зайцев ведет огонь по группе тополей. Там, в ложбине, за валом пруда засела группа вражеских автоматчиков, чуть правее и выше—беспрерывные желтые вспышки пулеметных очередей. Впереди, левее нас, на поляне, покрытой редкой фруктовой посадкой, были ясно видны черные фигуры залегших бойцов. Их остановил мощный немецкий огонь. Впереди залегших бойцов простым глазом виден подъем, на скатах которого пра-

вильные ряды фруктовых деревьев. В просвете между ними кусты посадки полосы озеленения. На фоне зелени—еле заметные желтые бугорки, видимо, полоски свежевыброшенной земли. Это знакомо. Такие, наспех вырытые окопчики, соединенные между собой узким и неглубоким ходом сообщения, мы уже миновали. Стало очевидным, что немцы окапываются и оттуда ведут огонь. Теперь надо было во что бы то ни стало быстро определить, где кончается левый фланг немецкой обороны, остановивший нашу роту слева. Требовалась разведка. Беру с собой связных. Идем гуськом, впереди Володин, сзади Талдыкин. Прошли позицию зенитных батарей. Никого—все тихо. Дальше идти нет смысла. Но слева, сзади у тополей, на расстоянии 700 метров—ожесточенные очереди из автоматов. Возвращаемся назад, берем уже правее, в направлении на выстрелы. И только что вышли из лесопосадки на открытую улицу, как в упор, с 20-ти, примерно метров огонь двух автоматов. И Володин, и я, раздвигавшие последний куст посадки, упали. У локтей, у лица комья земли от вражеских очередей. И снова тихо.

Сзади шопот Талдыкина: «Ползите назад».

Не поворачиваясь, не отрывая тела от зем-

ли, пробую продвинуться. И опять рядом стук пуль о землю. Делаю две-три попытки, наконец, отползаю за кусты. Нарвались на двух автоматчиков.

— Где Володин?

— Лежит там,—тихо отвечает Талдыкин.

— Товарищ начальник штаба, я подползу справа и брошу гранату, а вы наблюдайте и открывайте огонь.

Талдыкин тихо пополз. Шуршанье от раздвигаемых кустов становится все тише и тише... Я решил через кусты спуститься немного ниже. Метрах в десяти от меня на прежнем месте лежал ничком, лицом в землю Володин. «Не убит-ли?» — подумал тревожно. Пробовал, не поднимая головы из кустов, рассмотреть откуда стреляли. На фоне желтой земли трудно что-либо определить, а подняться нельзя. Пот заливает глаза, но не отрываясь смотрю в желтую полосу земли; ее то закрывает, то открывает качающийся куст бурьяна. Осторожно подтягиваю винтовку и навожу. Вдруг в кустах мелькнуло что-то черное и вслед—желтое пламя, пыль и взрыв. Снова в кустах темная тень. Нажимаю спусковой крючек. Сейчас же второй взрыв, уже в кустах. На поляне показался бегущий Талдыкин. Срываюсь с

места, несколько прыжков и мы у мелкого окопчика, прорытого поперек посадки. Рядом с окопчиком лежит рослый в зеленовато-синем комбинезоне фашист. Кровь заливает его лицо и грудь. Рядом с ним автомат.

— Где второй?

— Ушел. Как досадно!

Быстро обыскиваем труп, берем документы, оружие. Рядом один за другим взрывы гранат... Успели заметить, что вспышки очередей идут с противоположной стороны улицы, откуда мы только что перебежали. Падаем и ползем.

Володин убит... Прощай, товарищ!

Левый фланг противника определен. Надо действовать.

Забили пулеметы и впереди, среди фруктовых деревьев замелькали наши бойцы. Взвод Ветрова, под прикрытием пулеметов, стал обходить тополи справа. Немецкий пулемет смолк. И тогда поднялись наши бойцы, залегшие в саду, и вперебежку во весь рост бросились к тополям.

Еще двести-триста метров наши. Под тополем валяется немец, рассеченный пулеметной очередью почти наполовину. Его сбил с дерева командир взвода Москалев.

К трем часам дня только наш батальон прошел в наступлении больше километра, отогнав немцев частью на гребень, а кое-где и за гребень. Задача, поставленная батальону, была выполнена. Соединенными усилиями истребительных батальонов города, народного ополчения и других частей враг был задержан. Завод мог, хотя и в чрезвычайно тяжелых условиях, продолжать работу для фронта.

Батальон занял новые, более выгодные оборонительные рубежи. Бойцы начали окапываться, приспосабливая для укрытия и стрельбы все неровности местности. Стрельба то затихала, то снова вспыхивала.

Где согнувшись, где ползком, иду на левый фланг. На пути трупы убитых немцев, измятые опаленные кусты, ямки. Вот и левофланговый взвод. Рядом с пулеметчиком лежит командир взвода Ветров и напряженно смотрит вперед сквозь прогалины бурьяна.

— Товарищ начальник штаба! Вот прямо желтый куст, левей вроде черное пятнышко, там пара автоматчиков, только что ранили связного, присланного слева от лейтенанта.

Слегка приподымаюсь и как бы в ответ — длинный ряд желтых огоньков. Падаю навзничь.

Рядом оглушительно забил пулемет. На минуту глохну.

— Вот дьяволы, как смотрят. По моему сейчас дал удачную очередь. так пыль и схватило, — обернувшись ко мне, удовлетворенно говорит пулеметчик, сверкая белыми зубами, ярко выделявшимися на почернелом от пыли лице. Это был наш энтузиаст—пулеметчик Яков Лагутин, слесарь из 15 цеха.

Правее, недалеко от нас, залег один из лучших стрелков батальона Буров Петр Иванович. Он неторопливо стреляет.

Всех мучит жажда, но о доставке воды пока нечего и думать: все пути подвоза простреливались.

На правом фланге окопалась вторая рота. Здесь наше расположение вдается глубоким мысом к немцам. Справа фланг открыт. Ночью в этом районе непременно надо будет ждать контратаки немцев. Выставили дополнительных наблюдателей и уступом справа два пулемета.

День склоняется к вечеру. Стрельба как будто стихает, но каждое наше движение врагом фиксируется. Только что убили при перебежке открытого пространства связного Мотова.

Принесли сведения о потерях. Убитых пять—

Симонов И. А., бойцы Володин И. А., Момотов А. М., Иванов И. И., Кондратьев П. П. Тяжело ранен Фомин И. А. Легко раненых одиннадцать, среди них командиры взводов Гончаров и Москалев. Все раненые эвакуированы.

Немецких трупов насчитали девять. Раненых они унесли с собой, возможно и убитых.

Просматриваю документы убитых немцев. Все они из состава мотобатальона 4 танковой дивизии. Это отборные немецкие войска и становится понятным ожесточенность их сопротивления.

Бойцы протирают затворы у винтовок и пулеметов. Все в песке. Из ближней балочки, где отделение боепитания 21 батальона, принесли 4 ящика с гранатами. Это их подарок.

С сумерками посылаю командира отделения Бондаренко с донесением в штаб. К рассвету на позициях должны быть пища, вода, боеприпасы, а также людское пополнение взамен выбывших из строя.

Как и ожидалось, около полуночи немцы сделали попытку контратаковать наш выступ в расположении второй роты. Было это так: в лесопосадке вдруг послышался тихий треск ветвей и какое-то шуршанье. Отползшие назад

передовые наблюдатели доложили, что по всем признакам немцы переползают. Пулеметы у нас были наготове, гранаты выложены, под руками...

Неожиданно справа ожесточенно забили несколько немецких автоматов. Наши пулеметчики открыли огонь в упор, а в кусты через узкую полоску, свободную от посадки, полетели гранаты. Гулкие разрывы... Прямо из кустов длинные огоньки. С азартом стреляем, бросаем гранаты и не замечаем комков земли, летящих в лицо от рикошетов.

Неожиданно все затихло... Впереди какая-то возня, даем еще несколько очередей... Опять тихо... Слышны отдаленные команды на чужом, лающем языке и несколько вскриков...

Посылаю командира отделения Ходникевича и связного Талдыкина в разведку с задачей выяснить, как далеко против второй роты находятся немцы. У них слышны отдаленные голоса, какой-то стук, но определить расстояние на слух трудно.

Сзади наших позиций где-то в темноте родной поселок, догорают в нем старые пожарища, полыхают новые. А город все горит, с нашего бугра хорошо видно ярко взвивающееся пламя пожаров. Слышен отдаленный гул не-

мецких бомбардировщиков и глухие раскаты взрывов... Изредка светят немецкие ракеты.

Со стороны немцев один за другим два взрыва как будто от ручных гранат, и вслед за ними частая, беспорядочная стрельба.

Из темноты послышался легкий шум, в окопчик посыпалась земля, и перед нами — Талдыкин и Ходникевич.

Талдыкин докладывает: «Все было благополучно, мы ползли один, за другим вдоль посадки в районе зенитной батареи немного левее. Были хорошо слышны голоса немцев и стук лопат. Вдруг легкий треск. Мы залегли. В прогалине кустов мелькнула тень, остановилась, потом повернулась и пошла назад, а затем снова появилась в прогалине кустов метрах в тридцати от нас. Мы бросили гранаты, прижались к земле и отползли вправо метров на двадцать. Сейчас же после взрывов немцы открыли стрельбу. Мы обошли сзади бывшую позицию зенитной батареи, там парный дозор, и возвратились». Доклад разведки определил примерное расположение немцев и подтвердил наше предположение, что на бугре немцы начали строить дзоты. Теперь важно было удержать за собой правый фланг до утра, а потом организовать круговую оборону.

Уже рассветало, когда возвратился наш посланец Бондаренко. Он доставил командиру батальона мое донесенье и привел с собой пополнение в 18 человек с политруком тов. Салуткиным. Они же принесли хлеб, воду, боеприпасы, оставленные сзади в балочке. Это позаботились о нас Райком партии и Райсовет. Иду с Бондаренко. В кустах встретил Николая Петровича Салуткина. Он рассказал новости о поселке. Самым отрадным было то, что о нашем батальоне помнят, беспокоятся. Все раненые получили медицинскую помощь и чувствуют себя хорошо, за исключением Фомина, который очень ослабел от большой потери крови. На позиции обещали прислать горячий обед и ужин в термосах.

С удовольствием мы позавтракали впервые за двое суток. У пулеметов поставили дежурных. Впереди и на флангах залегли наблюдатели. А после завтрака в каждом взводе половине бойцов разрешили спать. Получив первые строевые записки от командиров рот, пишу подробное донесение.

В последующие дни — 26, 27 и 28 августа немцы вели по нашим позициям беспорядочный огонь и лишь на правом фланге с ними была пара стычек.

Мы улучшали свою оборону, закапывались и маскировались. Стали привыкать к боевой обстановке.

Ночью с 28 на 29 августа командир батальона капитан Костюченко отдал приказ об отходе на линию обороны во втором эшелоне. Нас сменил Н-ский полк НКВД. Через полчаса в полной темноте спустились в глубокую балочку к речке. Не заходя в поселок, заняли оборону в районе бетонного моста. С рассветом начали оборудовать новую позицию, Первое боевое испытание батальон выдержал, но жестокая битва за родной город только начиналась.

* * *

Фронт приближался к горящему, израненному городу вплотную. Бои шли не только на нашей северной, но и вдоль всей западной окраины города. Немцы бросали в бой все больше и больше живой силы и техники. Прибывали и наши войска.

На рассвете 2 сентября нас вторично сменили. Молодой лейтенант, из ставшей впоследствии знаменитой Гороховской бригады, принял у меня позицию. Красноармейцы, прямо с марша, заходили в пулеметные гнезда и стрелковые окопы с покрытиями и одеждой

крутостей, щупали доски и накат, ложились на солому и, довольно посмеиваясь, спрашивали: «Ай да работяги, и где вас так замечательно выучили окапываться?».

«Да мы это еще на занятиях в прошлом году проходили, сколько земли перекопали»,— с нескрываемым удовольствием отвечали наши бойцы.

Тепло распрощались с красноармейцами и отправились в поселок, в батальон, который покинули десять дней тому назад. Вскоре проводили в армию десять своих товарищей, в том числе: Тупикова, Талдыкина, Салуткина, Коган. Работы в поселке для нашего батальона было много — ночное патрулирование по поселку, охрана объектов, работа с заградительными отрядами. Случалось всякое: находились и враги, и просто дрянненькие, неустойчивые люди. Однажды поймали молодого парня в оранжевой майке, с вороватыми глазами. Он нес полмешка сахара. Сахар отобрали, а его направили в военкомат и предупредили. Через день он снова попался с уворованным мешком муки. Поступили с ним по закону осадного положения.

С каждым днем ожесточеннее становились и налеты вражеской авиации, и минометный и

К трем часам дня только наш батальон прошел в наступлении больше километра, отогнав немцев частью на гребень, а кое-где и за гребень. Задача, поставленная батальону, была выполнена. Соединенными усилиями истребительных батальонов города, народного ополчения и других частей враг был задержан. Завод мог, хотя и в чрезвычайно тяжелых условиях, продолжать работу для фронта.

Батальон занял новые, более выгодные оборонительные рубежи. Бойцы начали окапываться, приспосабливая для укрытия и стрельбы все неровности местности. Стрельба то затихала, то снова вспыхивала.

Где согнувшись, где ползком, иду на левый фланг. На пути трупы убитых немцев, измятые опаленные кусты, ямки. Вот и левофланговый взвод. Рядом с пулеметчиком лежит командир взвода Ветров и напряженно смотрит вперед сквозь прогалины бурьяна.

— Товарищ начальник штаба! Вот прямо желтый куст, левей вроде черное пятнышко, там пара автоматчиков, только что ранили связного, присланного слева от лейтенанта.

Слегка приподымаюсь и как бы в ответ — длинный ряд желтых огоньков. Падаю навзничь.

Рядом оглушительно забил пулемет. На минуту глохну.

— Вот дьяволы, как смотрят. По моему сейчас дал удачную очередь, так пыль и схватило, — обернувшись ко мне, удовлетворенно говорит пулеметчик, сверкая белыми зубами, ярко выделявшимися на почернелом от пыли лице. Это был наш энтузиаст—пулеметчик Яков Лагутин, слесарь из 15 цеха.

Правее, недалеко от нас, залег один из лучших стрелков батальона Буров Петр Иванович. Он неторопливо стреляет.

Всех мучит жажда, но о доставке воды пока нечего и думать: все пути подвоза простреливались.

На правом фланге окопалась вторая рота. Здесь наше расположение вдается глубоким мысом к немцам. Справа фланг открыт. Ночью в этом районе непременно надо будет ждать контратаки немцев. Выставили дополнительных наблюдателей и уступом справа два пулемета.

День склоняется к вечеру. Стрельба как будто стихает, но каждое наше движение врагом фиксируется. Только что убили при перебежке открытого пространства связного Момотова.

Принесли сведения о потерях. Убитых пять—

Симонов И. А., бойцы Володин И. А., Момотов А. М., Иванов И. И., Кондратьев П. П. Тяжело ранен Фомин И. А. Легко раненых одиннадцать, среди них командиры взводов Гончаров и Москалев. Все раненые эвакуированы.

Немецких трупов насчитали девять. Раненых они унесли с собой, возможно и убитых.

Просматриваю документы убитых немцев. Все они из состава мотобатальона 4 танковой дивизии. Это отборные немецкие войска и становится понятным ожесточенность их сопротивления.

Бойцы протирают затворы у винтовок и пулеметов. Все в песке. Из ближней балочки, где отделение боепитания 21 батальона, принесли 4 ящика с гранатами. Это их подарок.

С сумерками посылаю командира отделения Бондаренко с донесением в штаб. К рассвету на позициях должны быть пища, вода, боеприпасы, а также людское пополнение взамен выбывших из строя.

Как и ожидалось, около полуночи немцы сделали попытку контратаковать наш выступ в расположении второй роты. Было это так: в лесопосадке вдруг послышался тихий треск ветвей и какое-то шуршанье. Отползшие назад

передовые наблюдатели доложили, что по всем признакам немцы переползают. Пулеметы у нас были наготове, гранаты выложены, под руками...

Неожиданно справа ожесточенно забили несколько немецких автоматов. Наши пулеметчики открыли огонь в упор, а в кусты через узкую полоску, свободную от посадки, полетели гранаты. Гулкие разрывы... Прямо из кустов длинные огоньки. С азартом стреляем, бросаем гранаты и не замечаем комков земли, летящих в лицо от рикошетов.

Неожиданно все затихло... Впереди какая-то возня, даем еще несколько очередей... Опять тихо... Слышны отдаленные команды на чужом, лающем языке и несколько вскриков...

Посылаю командира отделения Ходникевича и связного Талдыкина в разведку с задачей выяснить, как далеко против второй роты находятся немцы. У них слышны отдаленные голоса, какой-то стук, но определить расстояние на слух трудно.

Сзади наших позиций где-то в темноте родной поселок, догорают в нем старые пожарища, полыхают новые. А город все горит, с нашего бугра хорошо видно ярко взвивающееся пламя пожаров. Слышен отдаленный гул не-

мецких бомбардировщиков и глухие раскаты взрывов... Изредка светят немецкие ракеты.

Со стороны немцев один за другим два взрыва как будто от ручных гранат, и вслед за ними частая, беспорядочная стрельба.

Из темноты послышался легкий шум, в окопчик посыпалась земля, и перед нами — Талдыкин и Ходникевич.

Талдыкин докладывает: «Все было благополучно, мы ползли один, за другим вдоль посадки в районе зенитной батареи немного левее. Были хорошо слышны голоса немцев и стук лопат. Вдруг легкий треск. Мы залегли. В прогалине кустов мелькнула тень, остановилась, потом повернулась и пошла назад, а затем снова появилась в прогалине кустов метрах в тридцати от нас. Мы бросили гранаты, прижались к земле и отползли вправо метров на двадцать. Сейчас же после взрывов немцы открыли стрельбу. Мы обошли сзади бывшую позицию зенитной батареи, там парный дозор, и возвратились». Доклад разведки определил примерное расположение немцев и подтвердил наше предположение, что на бугре немцы начали строить дзоты. Теперь важно было удержать за собой правый фланг до утра, а потом организовать круговую оборону.

Уже рассветало, когда возвратился наш посланец Бондаренко. Он доставил командиру батальона мое донесенье и привел с собой пополнение в 18 человек с политруком тов. Салуткиным. Они же принесли хлеб, воду, боеприпасы, оставленные сзади в балочке. Это позаботились о нас Райком партии и Райсовет. Иду с Бондаренко. В кустах встретил Николая Петровича Салуткина. Он рассказал новости о поселке. Самым отрадным было то, что о нашем батальоне помнят, беспокоятся. Все раненые получили медицинскую помощь и чувствуют себя хорошо, за исключением Фомина, который очень ослабел от большой потери крови. На позиции обещали прислать горячий обед и ужин в термосах.

С удовольствием мы позавтракали впервые за двое суток. У пулеметов поставили дежурных. Впереди и на флангах залегли наблюдатели. А после завтрака в каждом взводе половине бойцов разрешили спать. Получив первые строевые записки от командиров рот, пишу подробное донесение.

В последующие дни — 26, 27 и 28 августа немцы вели по нашим позициям беспорядочный огонь и лишь на правом фланге с ними была пара стычек.

Мы улучшали свою оборону, закапывались и маскировались. Стали привыкать к боевой обстановке.

Ночью с 28 на 29 августа командир батальона капитан Костюченко отдал приказ об отходе на линию обороны во втором эшелоне. Нас сменил Н-ский полк НКВД. Через полчаса в полной темноте спустились в глубокую балочку к речке. Не заходя в поселок, заняли оборону в районе бетонного моста. С рассветом начали оборудовать новую позицию. Первое боевое испытание батальон выдержал, но жестокая битва за родной город только начиналась.

* * *

Фронт приближался к горящему, израненному городу вплотную. Бои шли не только на нашей северной, но и вдоль всей западной окраины города. Немцы бросали в бой все больше и больше живой силы и техники. Прибывали и наши войска.

На рассвете 2 сентября нас вторично сменили. Молодой лейтенант, из ставшей впоследствии знаменитой Гороховской бригады, принял у меня позицию. Красноармейцы, прямо с марша, заходили в пулеметные гнезда и стрелковые окопы с покрытиями и одеждой

крутостей, щупали доски и накат, ложились на солому и, довольно посмеиваясь, спрашивали: «Ай да работяги, и где вас так замечательно выучили окапываться?».

«Да мы это еще на занятиях в прошлом году проходили, сколько земли перекопали»,— с нескрываемым удовольствием отвечали наши бойцы.

Тепло распрощались с красноармейцами и отправились в поселок, в батальон, который покинули десять дней тому назад. Вскоре проводили в армию десять своих товарищей, в том числе: Тупикова, Талдыкина, Салуткина, Коган. Работы в поселке для нашего батальона было много — ночное патрулирование по поселку, охрана объектов, работа с заградительными отрядами. Случалось всякое: находились и враги, и просто дрянненькие, неустойчивые люди. Однажды поймали молодого парня в оранжевой майке, с вороватыми глазами. Он нес полмешка сахара. Сахар отобрали, а его направили в военкомат и предупредили. Через день он снова попался с уворованным мешком муки. Поступили с ним по закону осадного положения.

С каждым днем ожесточеннее становились и налеты вражеской авиации, и минометный и

артиллерийский обстрел. На окраинах поселка шла беспрерывная стрельба. Систематически бомбился и обстреливался завод. Загорелись нефтехранилища, запылали цехи красавца-завода. Густой черный дым стлался далеко вокруг.

Ночами на Волге работали многочисленные переправы. На лодках, катерах, баркасах, плотиках, по штурмовым мостикам на нашу сторону шли воинские пополнения, боеприпасы... За Волгу переправляли раненых, эвакуировали жителей с немногочисленными узлами и детьми на руках. Берег Волги, крутой, обрывистый был весь изрыт землянками, блиндажами, командными пунктами. Всюду виднелись провода, стучали движки раций. В воду, со свистом рассекая воздух, падали мины. Иногда вдоль береговой полосы делали заход вражеские бомбардировщики, и тогда все гудело вокруг, стеной поднималась пыль, а по единственному водному пути все так же шли боеприпасы, людские пополнения.

Сталинград героически оборонялся. С Заволжья его поддерживала артиллерия, минометы, через наши головы летел на врага смертоносный металл. Шестерка за шестеркой шли «Илы» на штурмовку вражеских укреп-

лений. Крепче стали держали оборону волжской твердыни чудо-богатыри легендарной 62 армии.

Наш батальон нес службу попрежнему. Бойцы и командиры батальона мужественно работали в условиях почти беспрерывного обстрела. Несколько раненых выбыло из строя. На Волге у батальона были переправочные средства, которыми кроме своих грузов перевозили пополнения и боеприпасы, раненых и эвакуированных жителей.

Кольцо вокруг города продолжало сжиматься, но советские воины стойко, насмерть стояли, защищая каждый метр сожженной, политой кровью земли. Поселок последовательно разрушался и становился полем боя. Штаб батальона сменил уже второе здание. В первых числах октября мы «дислоцировались» в одном из оврагов, выходящих к Волге у Нижнего поселка СТЗ. В почти отвесные стенки оврага были врыты ниши и кое-как укреплены. И все же это была более надежная защита, чем разрушающиеся здания. Вражеская авиация начала методически, упорно бомбить узенькую береговую полоску между обрывом и Волгой. В такое время все, кроме наблюдателей и находящихся в служебном

наряде, забирались в свои щели и пересиживали налет. Массив берега дрожал. Пыль, смешанная с газами разрывов, затрудняла дыхание. Однако бодрости никто не терял, хотя впереди было совсем немного земли, а сзади только Волга.

Однажды в конце сентября месяца, когда в блиндаже находились бойцы, вернувшиеся из ночных операций, раздался глухой взрыв, не похожий на разрыв авиабомб, хотя и шла обычная, повседневная бомбежка. Ветер принес запах керосина и клочья черного дыма. Вместе с бойцами я быстро поднялся по лестнице наверх крутого берега — территорию нефтескладов. Жуткое зрелище представилось нашему взору. Пылал огромный бак. Горящая жидкость, точно огненная река, в стремительном беге неслась к открытому резервуару, в котором хранился большой запас нефти. Мы бросились с лопатами пробивать толстую насыпь, окружающую резервуар, чтобы спустить нефть в Волгу, но не успели: загорелся край резервуара. Поднялся вихрь. Пламя жутко гудело. Ветер закручивал гигантские спирали огня и дыма и бросал их с яростью во все стороны. Мы оказались в огненном коридоре. Надо было срочно спасать оружие и боепри-

пасы. Быстро, не помню даже как, скатились по лестнице вниз и стали грузить лодки. Нам потом пришлось напрячь все силы, чтобы опередить несущуюся по течению реки горящую лаву нефти. С большим трудом, наконец-то, выбрались в заливчик реки. А Волга, казалось, вся горела... Сквозь дым еле-еле был виден наш горящий блиндаж и плоты. Через несколько часов выше прежнего места мы принялись оборудовать новый блиндаж. Вскоре, совершенно для нас неожиданно, поступило распоряжение вывести все истребительные батальоны города на левый берег Волги, расформировать их и бойцов с высокими квалификациями отправить с эвакуированными уже за Волгу заводами, а остальных передать в Красную Армию.

Темной ночью переправились через Волгу.

Вычищенные и густо смазанные винтовки и пулеметы, патроны, гранаты, подсумки и прочее снаряжение каждый сдавал нашему новому «начбоепитания» тов. Блюмкину. В палатке гора оружия. В штабе оформляли списки, писали справки. В хозяйственной палатке готовили продукты отъезжающим.

Вот и готова к отправке первая партия — на завод. Короткое прощанье.

Через день уходит вторая партия — в Армию. Снимаются палатки, оружие и другое имущество, подлежащее сдаче, грузится на машины.

Строимся. Пожимаем друг другу руки. С громкой песней, с вещевыми мешками за спиной ушли наши бойцы на пополнение в прославившуюся в боях за Сталинград 10 дивизию.

Впереди у нас всех суровая борьба с заклятым врагом до полной победы — кому за станком, кому с оружием в руках.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
I. Рабочие будни	3
II. Двадцать третье августа 1942 года . . .	11
III. Боевое испытание	18

Редактор Р. П. Терновая.
Технический редактор В. Ф. Крашенинникова.
Корректор В. Г. Камендровская.

Сталинградское книгоиздательство
Сдано в набор 10|XI—1943 г. Подписано к печати 7|XII—1943 г.
Печатных листов 1'|4. Учетно-издат. листов 1,1.
НМ—25637. Тираж 5000.

Астрахань, тип. „Коммунист". Заказ № 5209.

65 коп.

3745-